Журавлева Наталья Борисовна
канд. ист. наук, доцент
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль культурной памяти как важнейшего механизма конструирования и воспроизводства национальной идентичности. На основе концепций М. Хальбвакса, Яна и Алейды Ассман, также теории П. Нора анализируются структурные уровни, коммеморативные практики и символические ресурсы памяти. Рассматривается соотношение коммуникативной и культурной памяти, а также роли «мест памяти» в сохранении и укреплении национальной идентичности и консолидации нации. На примере российского и белорусского культурно-исторического пространства показана специфика мемориальной репрезентации как героического прошлого наших народов, так и достижений в сфере культуры.*

Ключевые слова: *культурная память, коллективная память, идентичность, места памяти, коммеморативные практики, национальная общность.*

Проблема культурной памяти стала особенно актуальной в конце прошлого века, и интерес к ней продолжает нарастать и в среде отечественных, и среди зарубежных исследователей. Причина этого отчасти в том, что именно в это время происходит становление и развитие информационного общества, сопровождающееся развитием информационных технологий, разрушением границ, ростом миграционных потоков, ослаблением традиционных социальных связей – семьи, трудовых коллективов, национальных сообществ. Мир вокруг стремительно меняется, нарастает чувство неуверенности, непредсказуемости, и человек подсознательно ищет точку опоры. В этих условиях возникает потребность в устойчивых ориентирах, общей системе ценностей, обеспечивающих чувство сопричастности единому социокультурному целому. Такой опорой, своеобразным

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«якорем» выступает культурная память – сложный «надындивидуальный механизм сохранения и трансляции значимых для коллектива смыслов», зафиксированных в текстах, ритуалах, памятниках и канонах [2, с. 54].

Термин «культурная память» ввел в научный оборот немецкий историк, египтолог Ян Ассман, который опирался на теорию «коллективной памяти», разработанную французским философом и социологом М. Хальбваксом, и рассматривавшим ее как основу идентичности общества. По мнению М. Хальбвакса, коллективная память социально обусловлена, поскольку именно «социальные группы (семья, религиозная община, класс, нация) задают те когнитивные ценностные «рамки», через которые индивид воспринимает и реконструирует прошлое [7, с. 54]. Однако по Хальбваксу, коллективная память не просто хранит факты и знания, она их переосмысливает в соответствии с потребностями настоящего.

Развивая концепцию коллективной памяти, Я. Ассман выделяет в ней две составляющие: коммуникативную и культурную [2, с. 54–57]. Коммуникативная память охватывает относительно недавнее прошлое – горизонт 3–4 поколений или 80 – 100 лет, она опирается на живых носителей, зачастую передается устно или через средства массовой информации, а также художественные произведения и научные труды.

Главное отличие культурной памяти от коммуникативной в том, что она требует специальных институтов трансляции – музеев, библиотек, архивов, системы образования, а также праздников, ритуалов и проч. Это память о далеком прошлом, которое зачастую мифологизируется, обрастая легендами и преданиями. Это память об общем прошлом, которое принадлежит не одному индивиду, а целому сообществу: социальной группе, нации, поколению.

Развивая типологию памяти, Алейда Ассман выделяет «память-накопитель» (архивный фонд потенциальных знаний о прошлом) и «функциональную память» – пласт образов и нарративов, который активно используется обществом для легитимации существующего порядка и конструирования коллективного «Мы» [1, с.142–143]. Именно функциональная память участвует в строительстве

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

и сплочении нации, превращая череду исторических событий в биографию народа. В обществе культурная память играет роль своеобразного медиатора, регулирующего различные социальные практики. Она не только хранит и извлекает из своих архивов информацию, но и содержит правила использования этих знаний, задает некую систему правил деятельности в конкретной социальной среде. Прошлое наследие в культурной памяти переосмысливается, что-то нивелируется, а что-то, напротив, возвышается, подчеркивается, из него черпаются нравственные ориентиры, культивируются модели поведения, этические нормы. Именно на этой платформе складывается национальная идентичность, постоянно воспроизводятся глубинные культурные коды, выстраивается парадигма «свой» – «чужой».

Национальная идентичность не является природной данностью – она представляет собой динамический конструкт, требующий регулярного символического подтверждения [4, с. 6]. Культурная память обеспечивает этот процесс посредством нескольких взаимосвязанных механизмов. Это, прежде всего, осмысление различных исторических событий, связывание их в общий сюжет о происхождении, испытаниях, победах и предназначении нации. Опираясь на национальную литературу, историю, пантеон героев, формируется определенный нарратив прошлого, выстраивается его связь с будущим.

Вторым таким механизмом является институционализация «мест памяти». Понятие «места памяти» ввел французский историк Пьер Нора для обозначения материальных и символических объектов, в которых кристаллизуется национальное самосознание в эпоху угасания живой традиции [6, с. 26]. Места памяти – это не только мемориалы, места сражений, памятники, исторические центры городов, дворцово-парковые комплексы, но и праздники, юбилейные даты, государственные символы, ритуалы и проч.

Наконец, важным механизмом поддержания, сохранения и трансляции культурной памяти являются коммеморативные практики – совокупность институционализированных и повседневных действий, направленных на закрепление, переживание и трансляцию значимых образов прошлого в коллективном сознании

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

[3, с. 112]. Сам П. Нора считал, что сохранение памяти требует постоянных действий по ее поддержанию, так как «спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, организовывать празднования, произносить надгробные речи…» [6, с. 26]. Такие действия обращены к чувственно-эмоциональной сфере человека, они соединяют знания о каких-либо исторических событиях, известных личностях, государственных символах с эмоциональными переживаниями человека, формируют чувство единения, сопричастности, ощущение своей принадлежности к единому целому – осознание национальной идентичности. Такие чувства вызывает, например, церемония поднятия флага и исполнение гимна в зале, на площади или на стадионе. Совместное участие в этом действии – коммеморативной практике -приобщает индивида к национальному сообществу.

Эмпирическим подтверждением многослойности культурной памяти служит мемориальное пространство Беларуси. В структуре белорусской национальной идентичности органично сочетаются два ключевых пласта памяти. Первый связан с многовековым культурно-просветительским и государственным наследием (образы Полоцкого княжества, Евфросинии Полоцкой, первопечатника Франциска Скорины), закрепляющим идею древности и европейской укоренённости белорусской культуры [5, с. 114]. Второй, наиболее эмоционально насыщенный пласт, сформирован памятью о событиях Великой Отечественной войны. В Беларуси местами памяти, известными во всем мире, безусловно, являются мемориальные комплексы «Брестская крепость-герой» – памятник беспредельному мужеству, стойкости и героизму всего советского народа и «Хатынь» – священное и трагическое место, хранящее память о жертвах, понесенных белорусским народом. В этих местах особенно ощущается связь поколений, укрепляется чувство национальной идентичности. Большое значение для сохранения культурной памяти имеют различные музыкальные, поэтические, литературные праздники, регулярно проводимые на родине выдающихся деятелей культуры Беларуси: Янки Купалы в Вязынке, Якуба Коласа – в усадьбе «Смольня» и т. д. Здесь национальная идентичность формируется через духовное и языковое наследие.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Как указывалось выше, культурная память – это сложный многоуровневый феномен, предполагающий различные точки зрения и не лишенный определенных внутренних противоречий. Для культурной памяти характерна определенная селективность: акцентируя героические или виктимные сюжеты, сообщество неизбежно вытесняет в зону забвения неудобные или конфликтные страницы истории [1, с. 176]. Культурная память не предполагает полного единства мемориальных нарративов, ее задачей является формирование условий для диалога альтернативных мнений.

Кроме того, XXI век – это век цифровизации, когда традиционные институты (школа, музей, академическая наука) сталкиваются с конкуренцией со стороны социальных сетей, цифровых платформ, где все подвергается фрагментации, и визуальному упрощению. Поэтому задачей культурной политики становится адаптация к новым коммуникативным форматам глубинные смыслы и ценностные нарративы культурной памяти, которая выступает системообразующим ядром национальной идентичности, связующей нитью между прошлым и настоящим.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

3. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) / А. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.

4. Гаджиев, К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3–16.

5. История белорусской государственности : в 5 т. Т. 3. Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) /

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Национальная академия наук Беларуси, Институт истории ; редкол.. А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.] ; Н. В. Смехович, А. В. Унучек, А. П. Житко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 413 с.

6. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)